

Ларионова Наталья Петровна

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО ОБРАЗА ДУРАКА В ТВОРЧЕСТВЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

В статье приводится опыт сравнительного анализа образа дурака в фольклорном и литературном тексте на примере одноименной сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина. Высказывается точка зрения о том, что основным отличием литературной интерпретации образа дурака является отсутствие испытаний, преодолевая которые герой демонстрирует глубокую нравственность и приверженность культурным традициям. Это объясняется тем, что в творчестве писателя большинство дурацких образов не находят в себе сил противостоять безнравственному миру (Иван) или лишены нравственности изначально (Головлевы).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/3-2/37.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. II. С. 139-141. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81-32

Филологические науки

В статье приводится опыт сравнительного анализа образа дурака в фольклорном и литературном тексте на примере одноименной сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина. Высказывается точка зрения о том, что основным отличием литературной интерпретации образа дурака является отсутствие испытаний, преодолевающих которые герой демонстрирует глубокую нравственность и приверженность культурным традициям. Это объясняется тем, что в творчестве писателя большинство дурацких образов не находят в себе сил противостоять безнравственному миру (Иван) или лишены нравственности изначально (Головлевы).

Ключевые слова и фразы: дурак; сказка; интерпретация; Салтыков-Щедрин; фольклорный образ.

Ларионова Наталья Петровна

*Курский институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права
Larionovanatula@mail.ru*

**ЛИТЕРАТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО ОБРАЗА
ДУРАКА В ТВОРЧЕСТВЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА©**

Образ дурака в русской культуре является одним из традиционных, т.к. восходит к фольклору – бытовым и волшебным сказкам. Несмотря на кажущуюся простоту, он весьма многогранен и даже психологически сложен.

Это нашло свое отражение в толковании понятия в академических словарях, где слово *дурак* характеризуется как многозначное. Имеющиеся значения условно можно разделить на три группы: первая связана с указанием на умственные способности (глупый человек [7]), вторая – на ролевой или функциональный статус человека (придворный или домашний шут в 18 в. (истор.) [Там же]), наконец, третья ориентирует на психофизиологическое состояние человека и религиозно-нравственное его восприятие окружающими (малоумный, безумный, юродивый) [2].

Говоря об образе дурака, исследователи творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина обращали внимание лишь на художественные особенности сказок, созданных писателем, для детей изрядного возраста. В частности, А. С. Бушмин, С. Макашин, А. Жук, Е. И. Покусаев, В. Я. Кирпотин и др. говорили об их тесной связи с устной народной поэтической традицией. В. В. Прозоров, обобщая проведенные исследования сказочного наследия, отмечал, что литературной критике известны все или почти все случаи употребления Салтыковым-Щедриним фольклорных элементов, традиционных зачинов (“Жили-были”; “В некотором царстве, в некотором государстве”), числительных с нечисловым значением (“тридевятое царство”), типичных присказок (“ни пером описать, ни в сказке сказать”, “по шучьему велению”), постоянных эпитетов и обычных фольклорных инверсий (“сыта медовая”, “пшено ярое”, “звери лютые”), заимствованных из фольклора собственных имен (Милитриса Кирбитьевна, Иванушка-дурачок, царь Горох), свойственных народной поэзии синонимических сочетаний (“путем-дорогою”, “судили-рядили”), восходящих к фольклору идиоматических выражений (“на бобах разводить”, “ухом не ведешь”, “бабушка надвое сказала”), устно-поэтической лексики, многочисленных пословиц и поговорок и т.д. [5, с. 140].

Вместе с тем А. С. Бушмин отмечал, что щедринская сказка самостоятельно возникла по типу фольклорных сказок, а последние способствовали ее формированию [1, с. 75], указывая при этом, что полного сращения авторского и народного начал не произошло.

Возьмем в качестве примера сказку *Дурака*, написанную в 1885 году. Название, состоящее из одного слова, имеющего ярко выраженную экспрессивную (негативную) окраску, выполняет несколько функций: указывает на главное действующее лицо сказки, характеризует его, формирует у читателя определенное мнение о герое и его поступках задолго до прочтения художественного текста. Это становится возможным, потому что в сознании русского человека дурак – это своего рода тип, приметы которого передаются из поколения в поколение, из уст в уста, т.е. при помощи фольклора.

Дурак, созданный Салтыковым-Щедриним, на первый взгляд, совершенно предсказуем для читателя. Имя Иван делает рассказ о нем своеобразным продолжением *дурацких* историй, которых и так немало известно.

С рождения герой отличался от других детей. К которому делу с подходом бы подойти, а он на него прямоком лезет; которое слово совсем бы позабыть надо, а он его-то и ляпнет... Хоть кричи на него, хоть бей – ничего не чувствует и не слышит [6, с. 486].

Такое поведение кажется постороннему человеку, в том числе и читателю, ненормальным. Частая смена настроений Ивана, у которого ни с того, ни с сего сердце разгорится [Там же, с. 472], склонность к воровству (кража калачей и петуха), отсутствие умения обращаться с деньгами (он взял да все три рублика нищему в суму и ухнул!) [Там же, с. 470], с женщинами (Придет дурак, отобедает, чаю напьется и, по видимому, совсем не понимает, почему он находится у Подвохиной, а не дома) [Там же, с. 475]; отсутствие склонности к учебе (Большинство наук он совсем не понимал) [Там же, с. 472] – все это только подтверждает правильность той характеристики героя, которую автор вывел в названии.

И все же родители называли сына дураком необыкновенным, в том смысле, что Иван при всей своей глупости от природы оказался наделен качествами былинных богатырей. Он был отзывчив и наивен: «Я, мамочка, к Левке бегал. Левка болен, калачика просит; я взял с прилавка в булочной калачик и снес!» [Там же, с. 468] Обладал редким даром – бескорыстным и неумным желанием защищать нуждающихся. Гуляли они однажды всей семьей по набережной... Вдруг слышат стоны; взглянули на реку, а там чей-то мальчишечка в воде барахтается! Не успели опомниться – ан дурак уже в реку бухнул...» [Там же, с. 471].

Кроме того, Дурак очень любил животных и ценой собственного здоровья пресекал малейшие попытки жестокого обращения с ними. Достаточно вспомнить случай с петухом, которого он отнял у повара, или козла, которого хотели подразнить соседские мальчишки. Он за козла вступился. Стал посередке и не дает козла в обиду. Козел его сзади рогами бьет, мальчишки спереди по чем попало тузят, а ему и горюшка мало...» [Там же, с. 470].

По словам автора, «никого и ничего он не боялся, ни к чему не питал отвращения и совсем не имел представления об опасности» [Там же, с. 471].

Но истинное благородство Дурак проявлял по отношению к обездоленному Левке. Это герой, которого вполне можно считать антиподом Ивана. Это реальный дурак, точнее юродивый, от которого отказалась родная мать. Он, будучи слабого ума, жил на улице, ел что придется, терпел холод и нужду. Но особенное страдание Левка принимал от мальчишек, которые «дразнились, науськивали на него собак, щипали за икры, теребили на нем рубашку» [Там же, с. 474].

Только золотое сердце Ивана сжималось при виде такого унижения. Он обогрел, накормил и приютил Левку, стал ему и родителем, и другом, и защитником.

Двойственность натуры Ивана – показная глупость и истинная человечность – это свойство всех дураков в русских сказках. Именно за героизм и готовность к самопожертвованию Емели и Иванушки издревле получали щедрую награду: ум, красавицу-невесту царских кровей, полцарства и т.п. Но в сказке Салтыкова-Щедрина счастливой развязки не наступает, что говорит о некой трансформации фольклорного жанра сказки о дураках, его литературной интерпретации.

Судьбу героя предвидит странник (в фольклорных текстах в этой роли обычно выступали старцы, Баба-Яга, ворон). Он говорит о тяжелом выборе, который должен будет совершить Иван. «Настанет минута, когда наплыв жизни силою своего гнета заставит его выбирать между дурачеством и подлостью... Как только она пробьет, не будет на свете другого такого несчастного человека, как он. Но и тогда... он предпочтет остаться дураком!» [Там же, с. 476]. Пророчество исполнилось. Герой после долгих скитаний, не описанных Щедриным, вернулся в родной дом измученным и никогда более не говорил.

Мотив молчания – один из излюбленных в творчестве Салтыкова-Щедрина. Каждый герой, который вдруг замолкает, незадолго до этого события переживает необычайно тяжелое потрясение, которое сопровождается прозрением, обретением некой истины. Молчание – это реакция человека на окружающий мир, которая возникает от осознания своей никчемности, бесполезности, беспомощности и одиночества.

Молчание Дурака в конце сказки как нельзя более красноречиво говорит о том, что произошло прозрение, что человек понял смысл жизни, сделал определенные (безрадостные) выводы и смирился со своим положением.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сказка Салтыкова-Щедрина «Дурачок» сочетает в себе фольклорные и литературные признаки. Как и в народных сказках, героем является неординарный человек – Дурачок. У него есть своего рода гонители – это соседи, лавочник и родители. В сказке присутствует образ реального дурачка, по сравнению с которым Иван перестает выглядеть глупым и обнаруживает истинные качества, среди которых основным является «отсутствие подлых мыслей». В соответствии с традициями фольклора есть и предсказатель, который грозит дальнейшими страданиями.

Но весьма существенное отличие этой сказки от народной в том, что здесь нет описаний «мытарств» героя в поисках счастья, как нет и самого счастья. Вероятно, это стало возможным потому, что сказочный Дурачок ищет личного успеха и по дороге к нему совершает благородные поступки по отношению ко всему живому. В случае с Иваном ситуация обратная. «Было в его судьбе нечто непреодолимое, что фаталистически влекло его к самоуничтожению и самопожертвованию, и он инстинктивно повиновался этому указанию...» [Там же, с. 474].

Он никогда не стремился к личному счастью и всю жизнь отдал служению людям. «Случится ли в городе пожар – он первый идет в огонь; услышит ли, что в городе есть трудный больной – он бежит туда, садится к изголовью больного и прислуживает!» [Там же]. И вот в чем парадокс – это не принесло ему успокоения, а только душевные страдания, которые нашли выражение в бесконечном молчании и смирении.

Образ дурачка в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина выходит далеко за пределы сказок. Так, он появляется в романе «Господа Головлевы». Отметим, что в художественном произведении заявленный образ проиллюстрирован сразу в нескольких значениях: Владимир Михайлович Головлев, домашний писатель пошлых стихов в духе И. Баркова, – это ипостась глупого человека, чье поведение и мировоззрение не соответствуют возрасту и статусу помещика; Степан, старший сын Арины Петровны, – кутила, шут и приживала у богатых студентов; Павел, средний сын, – упрямец, неприспособленный к жизни и труду; наконец, Иудушка – человек, который разрушил семью и себя самого, создавая и претворяя в жизнь дурацкие правила [4].

В романе «Господа Головлевы» каждый их героев проходит те же этапы осмысления жизни, что и Иван: помощь обездоленным (реальная или иллюзорная), притеснение, молчание, осознание своего положения и смирение, приводящее к нравственной трагедии и последующей смерти [3].

Подводя итог сказанному выше, следует отметить, что литературная интерпретация фольклорного образа дурачка в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина реализуется неоднократно и последовательно в произведениях различных жанров, что говорит о традиции и позволяет изучать ее как самостоятельную часть художественного метода писателя.

Список литературы

1. Бушмин А. С. Сказки Салтыкова-Щедрина. Изд-е 2-е, дораб. Л.: Художественная литература, 1976. 280 с.
2. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: в 2-х т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. 1: А – О. 457 с.
3. Ларионова Н. П. Мотив света в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. I. С. 126-129.
4. Ларионова Н. П. Принцип бинарных связей // Ученые записки Российского государственного социального университета. М.: Изд. РГСУ, 2011. № 6. С. 374-380.
5. Прозоров В. В. М. Е. Салтыков-Щедрин: книга для учителя. М.: Просвещение, 1988. 174 с.
6. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 10-ти т. М.: Изд-во «Правда», 1988. Т. 8. 574 с.
7. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ, 1935. Т. 1. / под ред. Д. Н. Ушакова. 444 с.

**LITERARY INTERPRETATION OF THE FOLKLORE IMAGE
OF THE FOOL IN M. YE. SALTYKOV-SHCHEDRIN'S CREATIVITY****Larionova Natal'ya Petrovna***Kursk Institute of Cooperation (Branch) of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
Larionovanatula@mail.ru*

In the article the comparative analysis of the image of the fool in the folklore and literary text by the example of the fairy tale of the same name by M. Ye. Saltykov-Shchedrin is given. The author expresses the view that the main difference of the literary interpretation of the fool image is the lack of tests to overcome which a hero demonstrates a deep morality and commitment to cultural traditions. This is due to the fact that in the writer's creativity most fool's images cannot collect the strength to resist the immoral world (Ivan) or they are devoid of morality initially (the Golovlyovs).

Key words and phrases: fool; fairy tale; interpretation; Saltykov-Shchedrin; folklore image.

УДК 81

Филологические науки

В статье рассматриваются особенности возникновения и оценочная направленность «голландских» ксенонимов в английском языке – единиц, обозначающих заимствованные в процессе межкультурного взаимодействия англичан и голландцев артефакты культуры Нидерландов, либо стереотипные суждения о чертах национального характера жителей данной страны. Ксенонимы анализируются как лексические единицы, в мотивировках которых отражены знания о среде обитания «другого» этноса, истории его развития, материальных и духовных ценностях, а также отличительных особенностях коммуникативного поведения его представителей.

Ключевые слова и фразы: ксенонимы; ксенономинация; оценка; стереотип; межкультурная коммуникация.

Ма Татьяна Юрьевна, д. филол. н.**Сапожникова Юлия Викторовна***Амурский государственный университет**tdovnar@mail.ru; 117560@mail.ru***«ГОЛЛАНДСКИЕ» КСЕНОНИМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ©**

Специфическое восприятие окружающего мира, присущее каждому народу, проживающему на отдельной территории, получает языковую объективацию в разных формах, в том числе – номинации объектов и явлений действительности как процессе создания значимых языковых единиц. Ксенономинация, один из подвидов номинации, является феноменом, который отражает не только сферы взаимодействия языка и мышления, языка и культуры, но и языка и человеческих отношений – межкультурной коммуникации как особой сферы общения людей.

Каждая ксенономинативная единица – это частица информации о номинаторе (этноте) и его отношении к номинируемому объекту – к чужой нации, к другому этносу. Система ксенонимов – это языковая объективация конкретно-чувственных образов того или иного народа, сложившихся в процессе межкультурной коммуникации, итог познания действительности сквозь призму этнических стереотипов. Возникновение ксенономинативных единиц, – пишет М. Э. Рут, – та сфера приложения языка, где устанавливается связь внеязыковых и языковых представлений, где действительность получает свое языковое воплощение, где реальный образ становится источником языковой образности, где действительность раздвигает рамки языковой системы [8, с. 16].

В настоящее время вопрос о национально-культурной специфике процессов ксеномотивации и ксенономинации является все еще малоизученным. История английского языка, рассмотренная сквозь призму ксенономинации, – это одновременно и история влияния других языков, других культур на развитие и формирование его словарного состава. Мнения и оценки национального коллектива, заключенные в единицах такого рода, позволяют получить представление об историческом прошлом народа, определить мотивы возникновения стереотипных суждений, относящихся к другим этническим группам, и степень интенсивности межкультурных контактов, уточнить, в какой сфере диалог культур оказался наиболее продуктивным.